

Исчезающие города: критерии определения на примере Пермского края

Татьяна Анатольевна БАЛИНА¹
кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии
seg@psu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2673-0119>

Константин Сергеевич ОСОРГИН²
старший преподаватель
kosorgin1991@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9006-4352>

Анна Сергеевна СМИРНОВА³
магистрант
seg@psu.ru

Лариса Юрьевна ЧЕКМЕНЕВА⁴
кандидат географических наук, доцент
seg@psu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1838-9301>

¹⁻⁴Пермский государственный национальный исследовательский университет, кафедра социально-экономической географии, Пермь, Россия

Аннотация. Проанализировано содержание процессов дезурбанизации на примере моногородов Пермского края. Дезурбанизация как негативное проявление трансформации системы расселения сопровождается социально-экономическое развитие территории, отражая приоритеты государственной политики. Процессы дезурбанизации, имеющие многовековую историю, обострились в постсоветское время и по-разному проявляются в различных регионах страны, в ряде случаев приводят к исчезновению городов. Кризис добывающих производств и отраслей тяжелой промышленности обусловил дезурбанизацию в старопромышленных регионах Урала. Особенно остро данные процессы отмечаются в моногородах Пермского края, которые имеют высокий риск утратить статус города. Концептуальными моделями изучения исчезающих городов выступили теории территориальных социально-экономических систем и территориальных общественных систем, позволившие реализовать геосистемный подход. Город рассматривается как сложная и динамичная совокупность взаимосвязанных элементов, являющаяся частью региональной системы расселения. Анализируются малые города Прикамья, которые превратились в моногорода с нерентабельными градообразующими предприятиями, депопуляцией и высоким риском попасть в список городов-призраков. Факторами исчезающих городов названы транспортно-географическое положение, сохранение производственных и административных функций и демографическая ситуация, в частности динамика сокращения численности населения. Утрата городских функций обусловлена разными причинами и имеет яркие территориальные различия, но последствия схожи: снижение качества городской среды, отток населения, деградация демографической ситуации. В каждом из потенциально исчезающих городов края сформировался уникальный социум, обладающий особыми традициями, менталитетом, трудовым и интеллектуальным потенциалом, что требует адресного подхода к разработке социальной политики.

Ключевые слова: дезурбанизация, моногорода, исчезающие города, Пермский край

Для цитирования: Балина Т.А., Осоргин К.С., Смирнова А.С., Чекменева Л.Ю. Исчезающие города: критерии определения на примере Пермского края // Тихоокеанская география. 2024. № 2. С. 20–35. https://doi.org/10.35735/26870509_2024_18_3.

Original article

Disappearing cities: criteria for definition by the example of the Perm region

Tatyana A. BALINA¹

Candidate of Geographical Sciences, associate professor
seg@psu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2673-0119>

Konstsntin S. OSORGIN²

Senior lecturer
kosorgin1991@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9006-4352>

Anna S. SMIRNOVA³

Master's student
seg@psu.ru

Larisa Yu. CHEKMENEVA⁴

Candidate of Geographical Sciences, associate professor
seg@psu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1838-9301>

¹⁻⁴Perm State National Research University, Department of socio-economic geography, Perm, Russia

Abstract. The purpose of the study is to reveal the essence of the deurbanization processes on the example of single-industry towns in the Perm region. Deurbanization as a negative manifestation of the transformation of the settlement system is multi-vector and permanent. It accompanies the socio-economic development of a territory reflecting the priorities of state policy. The processes of deurbanization having a centuries-old history had intensified in the post-Soviet period yet and nowadays are manifested differently in various regions of the country, in some cases leading to the disappearance of cities. The crisis in extractive industries and heavy industries has led to the deurbanization in the old industrial regions of Ural. These processes are especially acute in the single-industry towns of the Perm Territory, which have a high risk of losing the status of a city. Conceptual models for the study of disappearing cities were the theories of the territorial socio-economic systems and territorial social systems. They allow us to implement the geosystem approach in the analysis of deurbanization processes in the Kama region. The city is considered as a complex and dynamic set of interrelated elements and as a part of a higher-level system – the regional system of settlement. The article analyzes towns in the Kama region, single-industry settlements with unprofitable city-forming enterprises and depopulation, having a high risk of being included in the list of so-called «ghost towns». The factors of the towns disappearing are the transport and geographical location, availability of promising production, preservation of administrative functions and indicators of the demographic situation, in particular, the rate of population decline, its gender and age structure. The loss of urban functions is due to various reasons and has clear territorial differences, but the consequences are similar: a decrease in the quality of the urban environment, an outflow of the population, and a degradation of the demographic situation. In each of the potentially disappearing cities of the region, a unique society has formed with special traditions, mentality, labor and intellectual potential, which requires a targeted approach to the development of social policy.

Keywords: deurbanization, single-industry towns, shrinking cities, Perm region

For citation: Balina T.A., Osorgin K.S., Smirnova A.S., Chekmeneva L.Yu. Disappearing cities: criteria for definition by the example of the Perm region. *Pacific Geography*. 2024;(2):36-51. (In Russ.). https://doi.org/10.35735/26870509_2024_18_3.

Введение

Современные процессы урбанизации проявляются в различных формах, имеют множество направлений, страновых и региональных особенностей, что предоставляет неисчерпаемое поле для географических исследований. Одним из наиболее теоретически и методологически разработанных стало особое междисциплинарное направление – изучение городов или градоведение, объединившее представителей разных областей знаний: географов, экономистов, социологов, историков, архитекторов. Актуальность и востребованность градоведческих работ обусловлена тем, что они формируют информационную базу для управления процессами развития городов и агломераций, создания комфортной городской среды, оптимизации системы расселения, т. е. конструктивно отвечают на «запросы общества» по обоснованию государственной и региональной политики [1].

Классические труды географов-урбанистов посвящены анализу мировых и страновых процессов урбанизации, которые характеризуются резким увеличением доли городского населения, ростом городов и формированием агломераций, распространением городского образа жизни [2–4]. Все эти явления развиваются в контексте общемировых тенденций, но в то же время обладают уникальными чертами, отражая глобальную роль городов.

Для современной географической науки на первый план выходят вопросы исследования качественных характеристик урбанизации, в частности создания «умных городов», трансформации функций агломераций, формирования комфортной и безопасной городской среды, создания имиджа и узнаваемого образа городов, проблем оптимизации планировочной структуры и застройки [5–7].

Среди многих аспектов урбанизации отечественные географы особое внимание уделяют исследованию ее проблем, различных негативных проявлений и отрицательных сторон, которые не отвечают интересам людей, не «работают» на создание комфортной городской среды и повышение качества жизни. Речь идет о процессах дезурбанизации, проблемах моногородов, исчезающих городских поселениях, городах-призраках и т.п.

В работах географов изучение процессов дезурбанизации получило развитие в контексте идеи «сжатия пространства», что созвучно выбранной нами тематике. Специалисты выделяют два типа сжатия социального пространства – коммуникационное и локационное [8]. Первый тип воспринимается позитивно, поскольку это виртуальный, а не реальный процесс, который предполагает рост доступности различных мест за счет коммуникаций. А вот второй тип – локационное сжатие – имеет негативный смысл, так как оно чревато потерей обжитых, освоенных, экономически активных земель.

Появление и исчезновение городов – процесс перманентный, обусловленный постоянной трансформацией системы расселения, развитием экономики, изменениями приоритетов социально-экономического развития страны, сменой управленческих парадигм и пр. Но необходимо подчеркнуть, что болезненные процессы дезурбанизации и исчезновения городов имеют очень серьезные последствия для людей, которые сталкиваются с необходимостью смены места жительства, поиском новой работы, ломкой сложившихся традиций и устоявшихся жизненных сценариев и многими другими материальными, бытовыми, социальными и психологическими проблемами.

Для ряда регионов России проблема исчезновения городов не нова, но обострилась она в постсоветский период, когда в небольших городах происходило закрытие градообразующих производств, что влекло за собой необратимые последствия, в результате – города-призраки стали реальностью.

В некотором смысле такие города относятся к категории популистских понятий, широко растиражированных в медийном пространстве. Эта тема представлена в довольно профессиональных фильмах, фотографиях, подборках фактов, рейтингов, экскурсионных предложениях и т.п. Города-призраки становятся новым направлением для «сталкерства» и часто упоминаются в контексте экстремального туризма.

Современная география накопила довольно богатый опыт по изучению этих вопросов, которые освещаются широко и многопланово. За рубежом по данной проблематике еще в конце прошлого века появились комплексные исследования [9–11]. Появление так называемых Ghost Towns во многих странах Запада обусловлено, как правило, нерентабельностью ресурсоэксплуатирующих отраслей и деградацией производственных функций. Так, столица американского автопрома Бостон получила ярлык «город-призрак» и на несколько десятилетий застряла в глубокой депрессии. В европейских странах эти процессы затронули многие старопромышленные регионы. В регионе «Саар-Лотарингия-Люксембург» процессы трансформации «уходящих» отраслей были нацелены на создание инновационной экономики, и благодаря появлению новых кластеров, старопромышленный регион с моногородами превратился в благополучное сочетание науки, образования и производства. Пример Манчестера также весьма показателен в данном контексте. Реструктуризация экономики города была нацелена на первостепенное развитие креативной индустрии, а также возрождение его в качестве культурного и спортивного центра страны [12].

Целью нашего исследования стало выявление особенностей социально-экономического развития малых городов Пермского края и определение ведущих факторов, которые могут отразиться на статусе городских поселений в будущем.

Материалы и методы

В данном исследовании мы будем оперировать термином «исчезающие города», которые рассматриваем как населенные пункты, сохранившие значительную часть построек, но утратившие основные функции и резко сократившие численность постоянно проживающего населения. Теоретическим фундаментом исследования исчезающих городов и других аспектов дезурбанизации выступила концепция о территориальных социально-экономических системах (ТСЭС), предложенная М.Д. Шарыгиным как концептуальная модель для комплексного изучения географического объекта [13], в котором экономические и социальные сферы взаимообусловлены и тесно переплетены. Эволюция социально-экономической географии и расширение предмета ее исследования привели к необходимости использования новой, более сложной теоретико-методологической конструкции – территориальной общественной системы (ТОС), которая отражает все грани жизнедеятельности социума, включая духовный потенциал, поведенческие аспекты, традиции, качественные характеристики и образ жизни населения. Сторонники данной концепции успешно применяют ее и для изучения городов, реализуя геосистемный подход [14].

ТСЭС и ТОС – это не только структурные модели, описывающие подсистемы города, но и функциональные, которые позволяют рассматривать сложные связи между всеми элементами, а также иерархическое соподчинение городов, их место и роль в системе более высокого ранга. Являясь локальной системой, город входит в региональную систему расселения, участвует в территориальном разделении труда, оказывает влияние на все социально-экономические процессы собственно региона и его сопредельных территорий. Ведь региональный центр как магнит стягивает переселенцев из проблемных (исчезающих) городов, что меняет ситуацию на рынках труда или недвижимости.

Обозначенные теоретико-методологические аспекты нацеливают на рассмотрение города как системы взаимосвязанных элементов, деградация одного из которых (например, «сбой» производственной функции) провоцирует мультипликативный эффект со знаком «минус» и влечет за собой кризис остальных сфер, в том числе социальной,

экологической, демографической. Геосистемный подход к диагностике потенциально исчезающих городов Пермского края позволил оценить ситуацию с точки зрения сохранения или утраты их производственных и административных функций, транспортно-географического положения и критических изменений социально-демографической ситуации. Наиболее важными критериями этих процессов являются тенденции сокращения численности населения.

При проведении исследования использованы данные официальных источников информации, в частности территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (Пермьстат, <https://59.rosstat.gov.ru/>).

Результаты и обсуждение

Пространственно-временной подход к изучению дезурбанизации предполагает, во-первых, исторический анализ изменения системы расселения с выделением определенных этапов, причин исчезновения городов, факторов и последствий; во-вторых, выявление географических особенностей дезурбанизации, общих и специфических черт их проявления, территориальных закономерностей и тенденций.

Исчезновение городов (поселений) не является феноменом только постсоветского периода, хотя именно за последние три десятилетия данная проблема усугубилась. История этого вопроса уходит в далекое прошлое России, когда ликвидация городов была обусловлена как природными, так и политическими, экономическими и многими другими факторами.

Основная причина исчезновения поселения – это изменение или утрата функций. В каждом столетии мы находим примеры таких трансформаций. Так, торговый город Мангазея, долгое время бывший центром освоения Сибири, исчез в результате утраты своей основной функции. Административные реформы в XVIII в. привели к тому, что десятки городов были переведены в разряд сельских поселений. В следующем столетии мощным толчком к изменению рисунка городских поселений стало строительство Транссибирской магистрали. Даже в XX в., который стал для России «веком урбанизации» и мощного городского строительства в период первых пятилеток, города исчезали по разным причинам, например попадая в зону затопления при строительстве ГЭС.

Вторая половина XX в. также богата примерами исчезновения городских поселений, но в постсоветский период этот процесс заметно ускорился. Среди причин особенно выделяются техногенные и природные катастрофы, закрытие градообразующих предприятий, утрата стратегической функции [15, 16].

Современные процессы дезурбанизации и исчезновения городов имеют яркие территориальные различия, определяемые климатическими, природно-ресурсными, производственными, транспортными, стратегическими и другими факторами, поэтому протекают по-разному в плотно заселенной Центральной России и в районах Севера, Востока страны, Урала.

Масштабные исследования исчезающих городов проведены Н.Ю. Замятиной и ее коллегами в районах российского Севера [17]. Авторы обосновали методику многофакторного анализа и расчета потенциала жизнестойкости 27 арктических городов. Ими выделены 19 количественных индикаторов состояния населенных пунктов по следующим подсистемам: экономической специализации, жизнеобеспечения и коммунального хозяйства, социально-культурной, природно-экологической, административно-управленческой.

Значительное влияние на сохранение статуса малых городов оказывает их транспортно-географическое положение [18], поскольку высокая транспортная доступность и близость более крупного и мощного центра может привести к усилению центрально-периферийных миграционных процессов, снижению трудового потенциала, исчерпанию ресурса для развития. В регионах Центральной России малые города пытаются выжить за счет

смены производственных функций (например, переориентации с легкой промышленности на пищевую), привнесением новых видов деятельности, таких, как туризм. Они «консервируют» административные функции, что дает им шанс сохранить статус городских поселений.

О важности сохранения функции управления говорится в работах Е.Г. Анимы и его коллег в исследованиях малых городов Урала, многие из которых имеют одно градообразующее предприятие. Рассматривая оптимистический и пессимистический подходы при разработке стратегии развития моногородов, авторы подчеркивают важность сохранения функции управления [1]. Продолжая эту мысль, подчеркнем, что для многих исчезающих городов горнозаводского Урала эта проблема усиливается еще и тем, что в них отраслями специализации была угледобыча, металлургия, тяжелое машиностроение. В постсоветский период риск исчезновения городов и появление городов-призраков связано с деградацией этих производств, невозможностью их перепрофилировать, «затуханием» социальной инфраструктуры, миграцией населения.

Рассматривая процессы дезурбанизации и исчезновения поселений важно понимать, что события могут не просто развиваться по весьма негативному сценарию, но и иметь необратимые последствия. Как отмечают специалисты, исчезающие поселения – «это же не просто территории, а носители культуры и традиций, когда-то, между прочим, бывшие новациями, прославившие города, районы, всю страну. Миллионы там пока что живут, и лучше их удерживать, потому что руины и пустыри без социального контроля дичают, притом дичают опасно, особенно рядом с еще обитаемым жильем. Они надолго остаются уже не культурными элементами ландшафта и еще не природными, приютом маргиналов, бомжей (и людей, и зверя), уродливы и легко горят. Скорее это ландшафты пустырные или мусорные» [8, с. 45].

Таким образом, географические исследования исчезающих городов, в широком смысле, находятся в «плоскости гуманизма», отвечая на вопросы приоритетов сохранения городов и защиты интересов людей. В конструктивном аспекте эти исследования важны для обоснования государственной и региональной политики по оптимизации территориальной организации населения.

Проблемы исчезающих городов Пермского края

Участь исчезающих городов и поселений-призраков не обошла и Пермский край, система расселения которого переживала трансформацию в XX в. В годы социалистической индустриализации в Прикамье города не только возникали и развивались (Краснокамск, Красновишерск, Березники и др.), но и исчезали, попадая в зону затопления Камского водохранилища (например, Чусовские городки).

В постсоветский период закрытие угледобычи, сокращение металлургических и лесоперерабатывающих производств привели к кризису во многих городах. Спектр данной проблемы в регионе очень широк: от полного исчезновения поселения и превращения его в город-призрак (Верхняя Губаха) до глубокого социально-экономического кризиса (гг. Кизел, Александровск и др.). Разрастание Пермской агломерации привело к «поглощению» пригородов и сателлитов. Так, в состав г. Пермь вошла знаменитая своим революционным прошлым Мотовилиха, возникшая и долгое время существовавшая как самостоятельное поселение.

В настоящее время в Пермском крае насчитывается 25 городов, образование которых относится к разным историческим эпохам. Большинство из них возникли как города-заводы в период промышленного освоения Урала и сформировали цепочку горнозаводских поселений. Различные аспекты развития и проблемы городов Прикамья раскрываются в работах географов [6, 19], экономистов [20], специалистов в сфере региональной экономики и управления [21].

Особенностью системы городских поселений края можно назвать то, что она сформирована средними и малыми городами. Доля городского населения равна среднероссийскому показателю и составляет 75 %. Практически в половине городов Пермского края численность населения составляет менее 20 тыс. человек, градообразующие предприятия относятся к деградирующим или закрывающимся, превращая их в моногорода. На фоне общей тенденции снижения численности населения выделяются города, в которых снижение людности проявляется особенно ярко.

При анализе изменения численности населения в городах во второй половине XX в. были выделены три этапа, которые различаются тенденциями и интенсивностью процессов урбанизации. Так, первый этап характеризуется ростом численности населения в большинстве городов Прикамья (рис. 1); на втором этапе уже почти половина городов испытывает сокращение численности населения, вызванное демографическими проблемами (рис. 2); третий этап связан с интенсивной миграцией в краевой центр (рис. 3). На рисунках цветом отражены разнонаправленные процессы: зеленый цвет указывает на прирост населения, розовый – на убыль.

Очевидно, что стабильность людности городских поселений зависела в первую очередь от экономических (производственных) причин, например, ускоренного развития угледобывающих (гг. Кизел, Губаха) и нефтедобывающих (гг. Оса, Чернушка) отраслей, строительства электростанций (гг. Чайковский, Добрянка), химической промышленности (гг. Соликамск, Березники). Убыль населения происходила и на закате социалистической эпохи. В начале нового века наблюдается стабильное сокращение населения во всех городах Прикамья, кроме краевого центра. Город Пермь как магнит стягивает население со всего региона, здесь проживает почти половина всего населения края.

Опираясь на геосистемный подход и перечисленные выше методики, мы выделили четыре основных фактора, определяющих дальнейший статус потенциальных исчезающих городов (см. табл.).

Анализ особенностей развития городов Пермского края позволил выделить малые города с более высокими рисками исчезновения. К потенциально исчезающим городам отнесены Гремячинск, Усолье и Кизел, где по 2–3 факторам наблюдаются негативные процессы.

Интерес вызывает ситуация в городах севера-востока Пермского края, где нет плотного рисунка расселения, а характерна очаговость поселений, многие из которых остались в наследство от некогда внушительной пенитенциарной системы. Города Чердынь и Красновишерск вот уже несколько десятилетий остановились в своем развитии. Расположившись далеко от краевого центра и цепочки горнозаводских поселений, они обслуживают немногочисленное сельское население и сохраняют административные функции. Несмотря на удаленность, низкую обеспеченность транспортной и социальной инфраструктурой, эти города обладают высоким потенциалом для туризма благодаря богатому историко-культурному наследию и природно-рекреационной привлекательности.

Город Чердынь, известный как Пермь Великая, ведет свою историю с середины XIV в. и является весьма интересным исключением из общей для страны закономерности: вот уже сколько десятилетий этот город не имеет даже 5 тыс. чел. населения, но сохраняет статус города (рис. 4). Иная картина сложилась в другом древнейшем городе Прикамья. Имея такую же богатую историю и более высокую численность населения, г. Усолье утратил статус города и в недавнем прошлом стал частью более крупного и мощного соседа – г. Березники.

На втором графике отражены темпы сокращения населения в двух других городах, где также тенденции этого процесса сходны, но результат разный. Особую тревогу вызывает г. Гремячинск. Этот город с угледобывающей специализацией стал численно сокращаться полвека назад, отдавая население в близлежащие, более перспективные города Кизеловско-Губахинской конурбации (рис. 5). В настоящее время здесь проживают менее 10 тыс. чел., но более подходящий термин – доживают, поскольку общий коэффициент

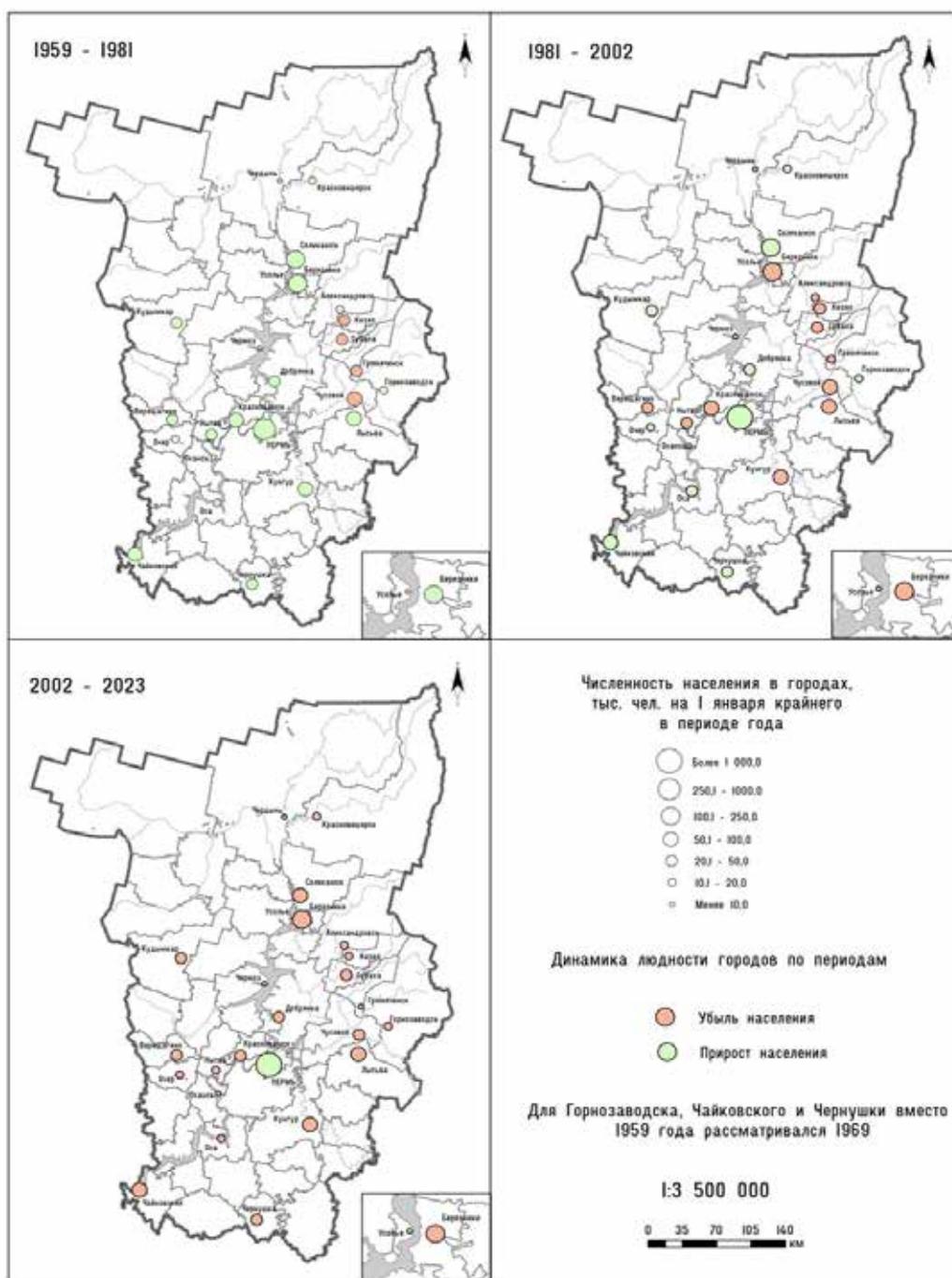

Рис. 1. Динамика численности населения городов Прикамья в 1959–1981 гг. Составлено по [22].

Примечание: для гг. Горнозаводск, Чайковский и Чернушка вместо 1959 рассматривается 1969 г.

Fig. 1. Dynamics of the population in the cities of the Kama region in 1959-1981. Compiled by [22]

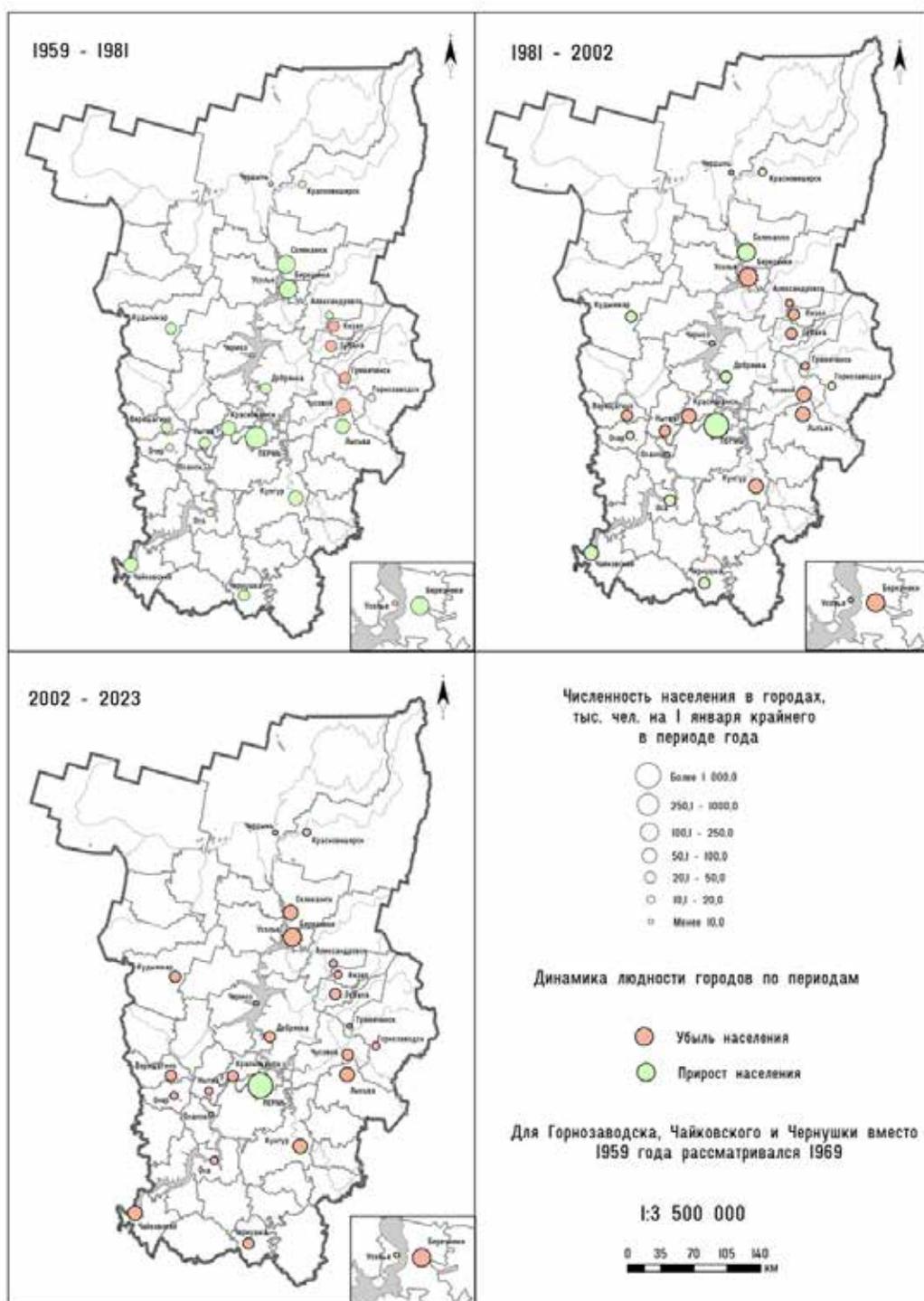

Рис. 2. Динамика численности населения городов Прикамья в 1981–2002 гг. Составлено по [22]

Fig. 2. Dynamics of the population in the cities of the Kama region in 1981-2002. Compiled by [22]

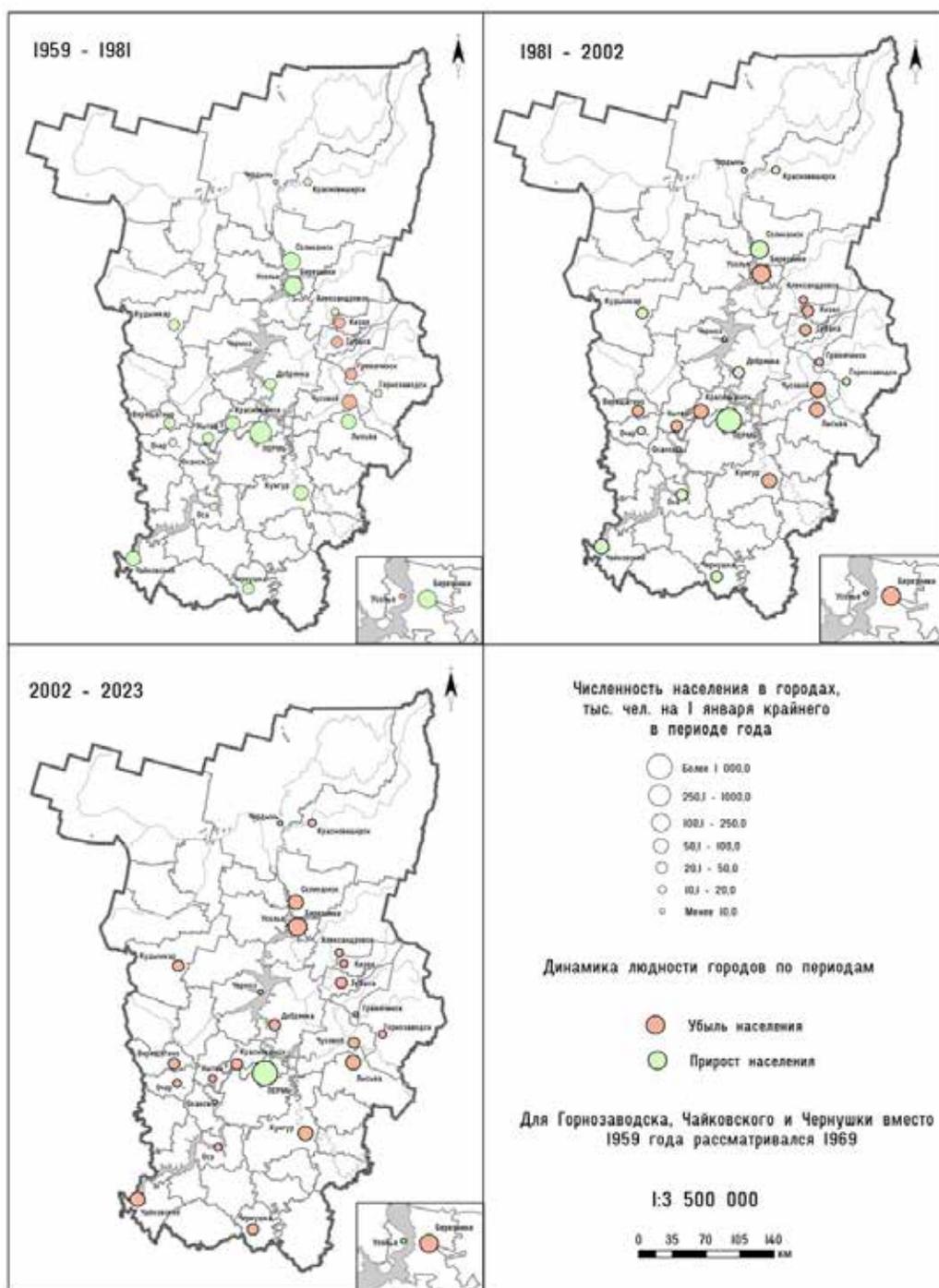

Рис. 3. Динамика численности населения городов Прикамья в 2002–2023 гг. Составлено по [22]

Fig. 3. Dynamics of the population in the cities of the Kama region in 2002-2023. Compiled by [22]

Характеристика основных факторов исчезновения городов Пермского края

Table. The main factors of the disappearance of cities in the Perm Territory

Город	Численность населения, 2023 г., тыс. чел.	Динамика численности населения	Промышленная функция	Географическое положение	Административная функция
Горнозаводск	10.9	Прирост	Сохранена	На трассе межрегионального значения	Сохранена
Кизел	15.3	Сильная убыль	Утрачена в конце XX века	На трассе внутрикраевого значения	Сохранена
Красновишерск	14.2	Слабая убыль	Утрачена в конце XX века	На трассе внутрикраевого значения	Сохранена
Александровск	10.5	Слабая убыль	Частично утрачена в конце XX века	На трассе внутрикраевого значения	Сохранена
Чердынь	4.5	Слабая убыль	Утрачена в XVIII века	На трассе внутрикраевого значения	Сохранена
Усолье	6.4	Слабая убыль	Утрачена в XVIII века	На трассе внутрирайонного значения, в составе агломерации	Утрачена в 21 веке
Чермоз	2.9	Сильная убыль	Утрачена в XVIII века	На трассе внутрирайонного значения, на р. Кама	Нет
Гремячинск	8.1	Сильная убыль	Утрачена в конце XX века	На трассе внутрикраевого значения	Утрачена в 21 веке
Губаха	22.9	Сильная убыль	Сохранена	На трассе внутрикраевого значения	Сохранена

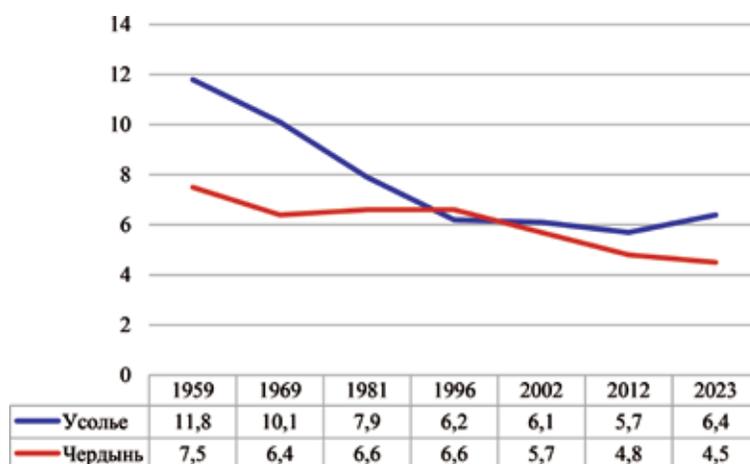

Рис. 4. Динамика численности населения Чердынь и Усо́лье, тыс. чел. Составлено по [22]

Fig. 4. Dynamics of the population of Cherdyn and Usoleye, thousand people. Complied by [22]

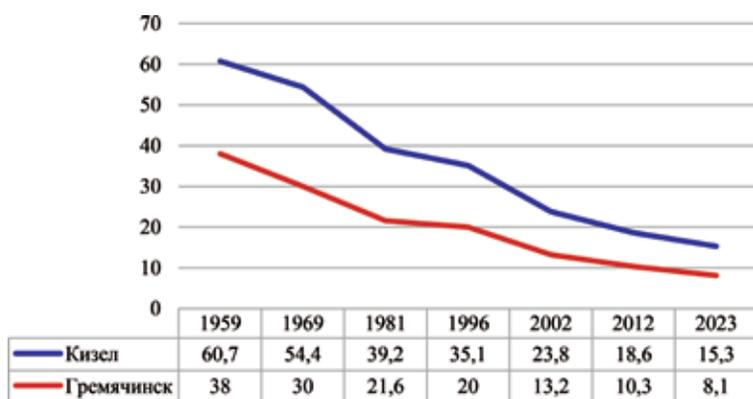

Рис. 5. Динамика численности населения Гремячинска и Кизела, тыс. чел. Составлено по [22]

Fig. 5. Dynamics of the population of Gremyachinsk and Kizel. Compiled by [22]

рождаемости (9.3 ‰) почти в 3 раза ниже коэффициента смертности (25.4 ‰), что свидетельствует о депопуляции [22]. Старение населения г. Гремячинск не оставляет надежды на восстановление демографической ситуации. Поскольку город оказался относительно близко к г. Губаха, он потерял административные функции в результате объединения с Губахинским городским округом.

Город же Кизел давно бы мог утратить статус города, но даже при ликвидации угледобычи и сокращении численности населения он сохраняет свою административную роль в системе расселения. Хотя процесс депопуляции здесь начался полвека назад, а траектория сокращения населения практически совпадает с таковой в г. Гремячинск, но ситуация отличается ролью города в системе локального населения. Попытка законсервировать административные функции обусловлена тем, что в окрестностях г. Кизел нет перспективных поселений: шахтерские поселки городского типа (Северный Коспашский, Центральный Коспашский, Южный Коспашский) давно перешли в разряд сельских населенных пунктов и также продолжают терять численность населения. Исчезнет ли Кизел как город? Скорее, нет, поскольку его может спасти транспортно-географическое положение, хотя риск войти в Губахинский городской округ довольно высок.

Исчезающие города требуют особых мер государственной поддержки по выведению их из социально-экономического тупика, например создания так называемых территорий опережающего развития (ТОР) [23] и территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР). При этом забота о населении должна быть приоритетной задачей такой политики. Подчеркнем, что практика создания ТОСЭР имеет весьма противоречивые результаты в разных регионах нашей страны. Так, в Пермском крае с 2017 г. эти программы действуют в двух городах – Нытва и Чусовой [24]. Но, во-первых, эти города не относятся к потенциально исчезающим, хотя и являются моногородами с глубокими экономическими проблемами и социально-демографическими последствиями. Они имеют довольно выгодное транспортное положение: г. Нытва расположена на автомобильной трассе, соединяющей г. Пермь с Коми-Пермяцким округом, Удмуртией и Кировской областью; у г. Чусовой есть преимущество железнодорожного сообщения, ориентированного на Большой Урал. Во-вторых, даже в этих городах почти за 5 лет существования программа ТОСЭР не дала ощутимых результатов. Анализ демографических показателей отражает эти тенденции [24, с. 40].

Полагаем, что для исследуемых нами исчезающих городов Пермского края программы по созданию ТОСЭР могли бы стать «спасением», но эти города имеют очень неудачное (тупиковое) транспортно-географическое положение, их градообразующие предприятия давно закрыты, а трудовой потенциал утрачен.

Отдельно стоит отметить, что в малых городах со специализацией на добывающих отраслях промышленности всегда проявлялась высокая степень самоорганизации населения. Свообразными связующими факторами выступали особый уровень образования, квалификация, трудовые навыки. Поэтому наставничество, трудовые династии, активность профсоюзного движения отличали города горнозаводского Прикамья, где сформировались уникальные традиции и менталитет. Поскольку градообразующим центром моногородов были заводы (шахты), то отношения в трудовых коллективах оказывали влияние на всю жизнь города. Именно для возникавших трудовых сообществ и были характерны такие проявления самоорганизации, как различные совместные мероприятия (профессиональные праздники, спартакиады, смотры художественной самодеятельности и пр.), освещавшиеся городскими СМИ. Сложившиеся за долгое время местные сообщества выступали регуляторами общественной жизни.

В настоящее время в Пермском крае проводятся территориально-административные реформы, создаются городские округа. Вопросы сохранения административных функций у ряда городских поселений находятся на стадии обсуждения. Насколько это разумно и обоснованно? Подчеркнем, что необходимо проводить глубокие комплексные исследования, в том числе социологические опросы, которые бы отразили социальное самочувствие жителей, их интересы и мнения.

Заключение

Географический анализ урбанизации должен включать и ее негативные проявления, в том числе, процессы дезурбанизации, что требует комплексного изучения исчезающих городов и городов-призраков, обоснования государственной и региональной политики.

Для диагностики процесса превращения моногородов в исчезающие города важно учитывать сочетание таких факторов, как транспортно-географическое положение, наличие градообразующих видов деятельности, роль в системе расселения (выполнение административных функций), динамику численности населения.

В Пермском крае к потенциально исчезающим отнесены города Гремячинск, Усолье и Кизел, социально-экономическая ситуация в них выглядит критичной. Уже с 1960-х гг. эти города стремительно теряли численность населения, но балансировали на грани потери городского статуса благодаря наличию многоэтажных домов, кварталов «сталинской застройки» и масштабного частного сектора. Слава некогда богатых шахтерских городов сменилась затяжной депрессией, а позже – деградацией. Существуют предложения о возможности развивать в этом регионе туризм, но они вызывают скепсис по ряду причин. Во-первых, отнюдь не городские (тем более промышленные) объекты притягательны для туристов, а окружающие природные ландшафты, что дает слабую надежду на развитие индустриального туризма. Во-вторых, данная сфера требует колоссальных инвестиций для создания инфраструктуры, что в обозримом будущем маловероятно.

Исчезающие города Прикамья – это не только экономическая и социальная проблема, но и гуманитарная. Ведь эти города трудовой славы превращаются в маргинальные территории, здесь налицо снижение качества жизни населения, что провоцирует миграцию молодежи и утрату трудового потенциала, снижает уровень самоорганизации населения. Создание ТОСЭР в этих городах не будет результативной мерой, поскольку у них нет транспортных коридоров межрегионального масштаба и перспективных видов деятельности, позволяющих сохранить трудовой потенциал. Усилиями одного региона не поднять такие сложные и долговременные проекты.

Проводимые территориально-административные реформы, создание городских округов, смена статуса поселений в определенной степени дают экономию административного ресурса. Но для многих поселений это может превратиться в практику «дожития». Нужны

комплексные исследования, дополненные социологическими опросами местного населения, поскольку такие реформы нельзя проводить без комплексной социально-географической диагностики.

Литература

1. Анимина Е.Г., Власова Н.Ю. Градоведение: учебное пособие. Изд. 4-е, перераб. и доп. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. эконом. ун-та, 2010. 433 с.
2. Лаппо Г. М. Разнообразие городов как фактор успешного пространственного развития России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 4. С. 3–23.
3. Перчик Е.Н. Проблемы развития городских агломераций // *Academia*. Архитектура и строительство. 2009. № 2. С. 63–69.
4. Слукан Н.А. Глобальные города в современной архитектуре мироустройства // География мирового развития: к 90-летию Института географии РАН. Вып. 1. Москва: ФГБ УН Институт географии Российской академии наук, 2009. С. 44–74.
5. Блануца В.И. Географическое изучение «умных городов»: приоритеты, подходы, перспективы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2021. № 3. С. 3–12. DOI 10.17308/geo.2021.3/3595.
6. Лучников А.С., Меркушев С.А. Трансформация городского расселения и урбанизация Пермского края в XX–XXI вв. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2, № 4. С. 123–143. DOI 10.19181/demis.2022.2.4.9.
7. Хуснутдинова С.Р., Балина Т.А., Развалова А.А. Изменения функционально-территориальной структуры городской агломерации на рубеже XX–XXI веков (на примере Казанской агломерации) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Прикладная экология. Урбанистика. 2019. № 3 (35). С. 68–78.
8. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Поляризация и сжатие освоенных пространств в центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 2. С. 31–53. DOI 10.17323/demreview.v7i2.11138.
9. Heleniak, T. Growth poles and ghost towns in the Russian Far North / T. Heleniak // *Russia and the North* / edited by E. Wilson Rowe. Ottawa: University of Ottawa, 2009. P. 129–163.
10. Baker T. Lindsay Ghost Towns of Texas. Norman, OK: University of Oklahoma Press. March 15, 1991. 208 p.
11. Baker, T. Lindsay. More Ghost Towns of Texas. Norman, OK: University Oklahoma Press., 2005. 224 p.
12. Балина Т.А., Мельников Е.Р., Николаев Р.С., Столбов В.А., Чекменева Л.Ю. Территории опережающего развития как механизм управления старопромышленным регионом // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. География. Геология. 2022. Т. 8, № 3. С. 3–17.
13. Шарыгин М.Д. Эволюция учения о территориальных общественных системах // Географический вестник. 2006. № 1 (3). С. 4–13.
14. Бакланов П.Я., Мошков А.В. Городская агломерация как интегральная урбанизованная геосистема // Тихоокеанская география. 2022. № 4. С. 29–37. DOI: 10.35735/2_6870509_2022_12_3.
15. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Перестройка расселения в современной России: урбанизация или дезурбанизация? // Региональные исследования. 2017. № 2 (56). С. 12–23.
16. Замятина Н.Ю., Гончаров Р.В. Арктическая урбанизация: феномен и сравнительный анализ // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2020. № 4. С. 69–82.
17. Оценка потенциала жизнестойкости городов российской Арктики / Н.Ю. Замятина, Е.А. Котов, Р.В. Гончаров [и др.] // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2022. № 5. С. 52–65.
18. Смирнов И.П. Средние города Центральной России. Тверь: Тверской государственный университет, 2019. 165 с.
19. Осоргин К.С. Трансформация территориальной самоорганизации в контексте реформы муниципального устройства (на примере Пермского края) // Настоящее и будущее России в меняющемся мире: общественно-географический анализ и прогноз: материалы Междунар. научной конференции (XII Ежегодная научная Ассамблея АРГО). Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2021. С. 463–467.
20. Миролюбова Т. В., Николаев Р.С. Формирование, функционирование и перспективы развития городских агломераций в Пермском крае // Развитие парадигмальных идей в отечественной региональной экономике. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2022. С. 247–260.
21. Сухих В.А., Урасова А.А. Стратегическое планирование в пространстве промышленных регионов: оценка и перспективы // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 7–1. С. 193–196. DOI 10.17513/vaael.1226.
22. Официальный сайт Пермьстата. <https://59.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 22.05.2023 г.).
23. Бакланов П.Я. Территории опережающего развития: понятие, структура, подходы к выделению // Региональные исследования. 2014. № 3. С. 12–19.

24. Балина Т.А., Мельников Е.Р., Николаев Р.С., Столбов В.А., Чекменева Л.Ю. Статус Территории опережающего развития как механизм управления регионом // Тихоокеанская география. 2021. № 2 (6). С. 33–42. DOI: 10.35735/tig.2021.6.2.003

References

1. Animica, E.G.; Vlasova, N.Yu. Urban studies: a textbook. Ural State University: Ekaterinburg, Russia, 2010; 433 p. (In Russian)
2. Lappo, G.M. Diversity of cities as a factor in the successful spatial development of Russia. *News of the Russian Academy of Sciences. Geographical series.* 2019, 4, 3-23. (In Russian)
3. Percik, E.N. Problems of development of urban agglomerations. *Academy. Architecture and construction*, 2009, 2, 63-69. (In Russian)
4. Sluka, N.A. Global cities in the modern architecture of the world order: *Geography of world development: to the 90th anniversary of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences*. Issue 1: Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences: Moscow, Russia, 2009, 44-74. (In Russian)
5. Blanuca, V. I. Geographic study of «smart cities»: priorities, approaches, prospects. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Geography. Geoecology.* 2021, 3, 3-12. (In Russian)
6. Luchnikov, A.S.; Merkushev S.A. Transformation of urban settlement and urbanization of the Perm region in the XX-XXI centuries. *Demis. Demographic research.* 2022, 2(4), 123-143. (In Russian)
7. Husnutdinova, S.R.; Balina, T.A.; Razvalova, A.A. Changes in the functional-territorial structure of the urban agglomeration at the turn of the 20th-21st centuries (on the example of the Kazan agglomeration). *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Applied Ecology. Urbanistics.* 2019, 3(35), 68-78. (In Russian)
8. Nefedova, T.G.; Trejvish, A.I. Polarization and shrinkage of developed spaces in the center of Russia: trends, problems, possible solutions. *Demographic overview.* 2020, 7(2), 31-53. (In Russian)
9. Heleniak, T. Growth poles and ghost towns in the Russian Far North. In *Russia and the North* / edited by E. Wilson Rowe. University of Ottawa: Ottawa, Canada, 2009, 129-163. (In English)
10. Baker, T. Lindsay Ghost Towns of Texas. Norman, University of Oklahoma Press: OK, USA, March 15, 1991; 208 p. (In English)
11. Baker, T. Lindsay. More Ghost Towns of Texas. University Oklahoma Press: Norman, OK, USA, 2005; 224 p. (In English)
12. Balina, T.A.; Mel'nikov, E.R.; Nikolaev, R.S.; Stolbov, V.A.; Chekmeneva, L.Yu. Territories of advanced development as a mechanism for managing an old industrial region. *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Geography. Geology.* 2022, 8(3), 3-17. (In Russian)
13. Sharygin, M.D. The evolution of the doctrine of territorial social systems. *Geographic Bulletin.* 2006, 1(3), 4-13. (In Russian)
14. Baklanov, P.Ya.; Moshkov, A.V. Urban agglomeration as an integral urbanized geosystem. *Pacific geography.* 2022, 4, 29-37. (In Russian)
15. Nefedova, T.G.; Trejvish, A.I. Restructuring of Settlement in Modern Russia: Urbanization or Deurbanization? *Regional studies.* 2017, 2(56), 12-23. (In Russian)
16. Zamyatina, N.Yu.; Goncharov, R.V. Arctic Urbanization: Phenomenon and Comparative Analysis. *Bulletin of Moscow University. Series 5: Geography.* 2020, 4, 69-82. (In Russian)
17. Zamyatina, N.Yu.; Kotov, E.A.; Goncharov, R.V. etc. Assessing the Resilience Potential of Cities in the Russian Arctic. *Bulletin of Moscow University. Series 5: Geography.* 2022, 5, 52-65. (In Russian)
18. Smirnov, I.P. Medium cities of Central Russia, Tver University: Tver, Russia, 2019; 165 p. (In Russian)
19. Osorgin, K.S. Transformation of territorial self-organization in the context of the reform of the municipal structure (on the example of the Perm Territory). *Present and Future of Russia in a Changing World: Socio-Geographical Analysis and Forecast. Proceedings of the international scientific conference (XII Annual Scientific Assembly ARGO)*, Udmurt University Publishing Center: Izhevsk, Russia, 2021, 463-467. (In Russian)
20. Miroyubova, T.V.; Nikolaev R.S. Formation, functioning and development prospects of urban agglomerations in the Perm region. In *Development of paradigm ideas in the domestic regional economy*. Ural State University: Ekaterinburg, Russia, 2022, 247-260. (In Russian)
21. Suhih, V.A.; Urasova, A.A. Strategic planning in the space of industrial regions: assessment and prospects. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law.* 2020, 7-1, 193-196. (In Russian)
22. Official website of Permstat. Available online: <https://59.rosstat.gov.ru>. (accessed on 22 May 2023). (In Russian)
23. Baklanov, P.Ya. Territory ahead of the development: concept, structure, approaches to identification. *Regional studies.* 2014, 3, 12-19. (In Russian)
24. Balina, T.A.; Mel'nikov, E.R.; Nikolaev, R.S.; Stolbov, V.A.; Chekmeneva, L.Yu. Status of the territory of advanced development as a mechanism for managing the region. *Pacific geography.* 2021, 2(6), 33-42. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 08.09.2023; одобрена после рецензирования 18.12.2023; принята к публикации 11.01.2024.

The article was submitted 08.09.2023; approved after reviewing 18.12.2023; accepted for publication 11.01.2024.

